

СТАНКЕВИЧ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ

депутат Моссовета 21-го созыва

(избирательный округ № 478),

первый заместитель председателя Моссовета

«МОССОВЕТ-21 СТАЛ ВАЖНОЙ ЧАСТЬЮ ГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ»

Каков был Ваш статус и политические взгляды перед началом избирательной кампании 1990 года?

В конце 1980-х годов я работал старшим научным сотрудником в Институте всеобщей истории АН СССР, защитил диссертацию по конгрессу США, писал работы по истории партий, парламентаризма и выборов в США и Западной Европе. Появление в качестве лидера государства М.С. Горбачёва с его политикой Перестройки, а также Б.Н. Ельцина в качестве радикально перестроечного главы города Москвы побудили меня заняться практической политикой. Вместе с группой соратников из молодой столичной интеллигенции (преимущественно левых социал-демократических убеждений) мы создали Московский народный фронт, штаб которого находился на Юго-Западе столицы.

В 1988 году состоялась горбачёвская политическая реформа, в рамках которой прошли первые относительно свободные выборы в состав Съезда народных депутатов СССР. Я был выдвинут кандидатом и затем избран (при поддержке МНФ) народным депутатом СССР.

На съезде я вошёл в состав парламентской оппозиции - Межрегиональной депутатской группы (МДГ). И был избран в её координационный совет.

У группы была общедемократическая программа (разделение властей, многопартийность, идеологическое многообразие, гражданские свободы, многоукладная экономика с большим рыночным сектором).

Из 2250 народных депутатов СССР в составе МДГ относительно постоянно выступали и голосовали 250-300 человек. Это меньшинство не могло реализовать свою повестку в законотворчестве, кроме отдельных случаев, когда команда Горбачёва шла навстречу (отмена 6-й статьи Конституции, законы о гражданских правах).

На весну 1990 года были назначены выборы в республиканские и местные органы власти. КС МДГ (по моему предложению) утвердил тактику «прорастания вглубь». Мы должны были пойти на республиканские и местные выборы с задачей завоевать большинство хотя бы на отдельных территориях, на которых можно будет постараться реализовать нашу программу.

Массовой базой стало организованное к тому времени движение «Демократическая Россия».

Особую ставку МДГ делала на Москву и Ленинград, поскольку в этих городах демократические настроения явно доминировали. Было рекомендовано Анатолию Собчаку избираться в Ленинграде, а в Москве – Гавриилу Попову и мне.

Какие цели Вы перед собой ставили?

На выборах в Моссовет весной 1990 года Демроссия ставила задачу завоевать большинство мест с целью проведения комплексной реформы городского управления и поэтапного перевода экономики города на новые условия хозяйствования. Соответственно, Попову и мне предстояло в случае победы возглавить городское управление.

Кто, как и когда Вас выдвигал?

Я выдвигался в своём Черёмушкинском районе, от которого ранее был уже избран союзным депутатом. Поддержку оказывало московское отделение Демроссии.

Какие использовались тогда политические и избирательные технологии?

Мы составили единый городской список «наших» кандидатов. И в каждом районе города расклеивалась листовка с призывом голосовать за наших кандидатов из списка «Демроссии» – за подписью членов МДГ Г.Х. Попова, Н.И. Травкина и С.Б. Станкевича.

Основная «технология» заключалась тогда в расклейке самодельных листовок и раздаче на автобусных остановках и станциях метро «летучек» в виде полосок бумаги с пятью строками агитационного текста.

Были, конечно, и короткие митинги в микрорайонах, которые оформлялись как «встреча депутата с избирателями» и потому согласования не требовалось. Конечно у кандидатов были мотивированные команды и сотни добровольных помощников.

Охарактеризуйте Ваших сторонников и Ваших противников?

Особой борьбы в моём случае не было, поскольку всё решала довольно широкая известность, наработанная за год союзного депутатства.

На выборах Демроссия и её список боролись с кандидатами, которых выдвигал и поддерживал горком КПСС во главе с Ю. Прокофьевым. Как тогда принято было говорить – «демократы против партократов».

Весной 1990 года Демроссия победила на выборах более чем в 20 крупных городах России, включая Москву и Ленинград. Это был серьёзнейший политический сдвиг в масштабах республики.

Что собой представлял избранный состав Моссовета? Опишите его собирательный портрет.

Тогдашний Моссовет пребывал в транзитном состоянии от советского преимущественно декоративного органа к реальному институту городского самоуправления. Ему предстояло переделать себя заново в новой среде и на новых условиях.

450 депутатов для города было явно много – это скорее напоминало парламент небольшого государства, чем городской совет. В составе Моссовета было мало управленцев с опытом. В основном была разночинная интеллигенция: врачи, учителя, инженеры, проектировщики, сотрудники многочисленных НИИ, отставные военные. После перелома, обозначенного первыми выборами 1988-1989 гг., после ошеломившей страну деятельности Съезда народных депутатов СССР, это была «вторая волна», подхватившая тех, кто хотел влиться в уже происходившие драматические перемены.

Какова была роль Гавриила Харитоновича Попова? Его значение?

Гавриил Харитонович Попов был авторитетным союзным депутатом, сопредседателем МДГ, экономистом с именем, автором популярных публицистических статей. В то же время он не был харизматиком или оратором, у него были трудности в общении с массовой политизированной аудиторией, ему не хватало терпения «возиться» с депутатской средой, порой капризной и обидчивой. Несомненно, его весомость позволяла ему оказывать влияние на городские службы. Но ещё больше времени он уделял общению с начальством союзного уровня.

Отличия Попова как председателя Моссовета от Гончара?

Попов изначально рассматривал свою роль в Моссовете как промежуточную. Он был нацелен на городскую реформу и переход в обновлённую исполнительную власть, в которой, в свою очередь, намеревался провести «года два». А затем перейти к созданию международного университета.

Работать с депутатским корпусом на начальном этапе довелось в основном мне. Николай Николаевич Гончар изначально был «взят на прицел» Поповым и мною, поскольку у него был опыт руководящей работы в Бауманском районе – и в исполкоме, и в райкоме КПСС. Нужен был человек из системы, который примет наши идеи и поможет новой власти выстроить отношения с конструктивной частью партийно-хозяйственной элиты города. Н.Н. Гончар оправдал все наши ожидания. Он – настоящий системщик, орговик. И воплощённая ответственность.

Насколько удачна была организационная структура Моссовета и его регламент?

Регламент Моссовета нужно было создавать по сути заново и затем вносить коррективы, продиктованные практикой. Важно было обуздать и упорядочить митинговую стихию, которая грозила утопить каждую сессию Моссовета в псевдо-парламентских дебатах.

Депутаты стремились реагировать на всё, что происходило в стране. Вносились, обсуждались и часто принимались резолюции, обращения и заявления на самые разные политические темы, далёкие от текущих городских задач. Ораторы устраивали полемические турниры, срывая аплодисменты своих сторонников. Зачастую тормозились неотложные дела, пока шла борьба по принципу «пусть рухнет мир, но мы доспорим».

Мне пришлось основательно заняться структурированием Моссовета и отработкой регламента. Помогли и теоретический багаж (знание работы зарубежных политических институтов) и практика, наработанная уже в новом Верховном Совете СССР.

Какая политическая структура сложилась в Моссовете?

Демроссия получила две трети мест, одна треть осталась за твёрдыми сторонниками компартии. Соответственно, были сформированы две депутатские группы (фактически фракции): «Демократическая Россия» и «Москва». Первую, правящую, возглавил я, а вторую, оппозиционную – Валерий Павлинович Шанцев.

Это был опытный управленец и политический боец, секретарь МГК КПСС, так что его оппозиционная фракция не давала новой городской власти расслабиться ни на день.

Важнейшей для Моссовета стала структура постоянных профильных комиссий. Мы постарались тщательно отобрать и поставить во главе комиссий профессионалов, которые были в депутатском корпусе. Председатели комиссий, председатель Моссовета и его замы образовывали Президиум, который по нашему регламенту мог большинством голосов принимать обязательные к исполнению правовые решения в период между сессиями Моссовета.

Из всего депутатского корпуса выделялся «малый совет», который работал на постоянной основе и состав его частично ротировался на сессиях. А сами сессии большого Совета можно было собирать реже. Так мы избегали излишней громоздкости городского собрания.

На первой сессии Моссовета Г.Х. Попов был избран председателем, а я – его первым заместителем. Двумя другими заместителями стали Николай Гончар и Леонид Белов.

Вопрос о председательстве решался не без интриги. По всем предварительным голосованиям значительное большинство депутатов поддерживало мою кандидатуру на пост председателя. По рекомендации, поступившей от МДГ и Б.Н. Ельцина, я снял свою кандидатуру с выборов председателя Моссовета и поддержал избрание Г.Х. Попова. Позднее в аналогичной ситуации я ещё раз «уступил дорогу» – на этот раз Николаю Гончару, но уже по другой причине. В 1991 году я совмещал работу в Моссовете с должностью советника президента Б.Н. Ельцина. А с 1992 года перешёл на работу в Кремль.

Как выстраивались взаимоотношения с исполнительной властью?

Поначалу старая исполкомовская номенклатура приняла новоизбранную власть настороженно и зачастую неприязненно. Но в течение первого же года произошёл естественный отбор и отношения выстроились.

Всё началось с конфликта. Исполком города тогда возглавлял Валерий Тимофеевич Сайкин – заслуженный промышленник, которого в 1986 году выдвинул с завода ЗИЛ в городскую власть Борис Ельцин, партийный лидер города. Это тогда для нас была уже достаточная рекомендация. Изначально мы с Поповым планировали сохранить Сайкина в качестве главы исполкома.

Однако сразу после того, как стали известны результаты выборов, Сайкин по просьбе горкома КПСС провёл постановление горисполкома о передаче всех зданий московских райкомов партии в «бессрочное безвозмездное пользование» районным партийным организациям. А здание горкома,

естественно, отдавалось городской парторганизации. То есть, город лишился более чем трёх десятков серьёзных зданий, которые стали бессрочными и бесплатными партийными цитаделями.

Мы с Поповым беседовали с Сайкиным, убеждая его отменить принятое решение как не основанное на праве и на волеизъявлении населения Москвы. После его отказа нам пришлось искать другого кандидата на пост главы городского правительства.

Какие сложились отношения Моссовета и его руководства с Ю.М. Лужковым?

Назначение главы исполкома и руководителей городских служб было делом срочным и ответственным. Вопрос вызвал серьёзную борьбу и даже привёл к расколу фракции «Демократическая Россия».

Мы с Поповым провели «смотрины» всех зампредов исполкома Моссовета и ведущих городских управленцев. В результате сложилось управленческое ядро, из которого предстояло выбрать первое лицо. Остановились на Юрии Лужкове по нескольким причинам. Он хорошо показал себя как председатель Московского городского агропромышленного комитета, а вопрос снабжения города продовольствием был тогда абсолютным приоритетом. Кроме того, Лужков проявил себя сторонником новых рыночных форм хозяйствования, возглавляя городскую комиссию по кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности. То есть, был для нас в этом важнейшем вопросе «идейно близким».

Подготовив все бумаги, мы с Поповым и Лужковым поехали на согласование к Ельцину, который в то время был председателем комитета Верховного Совета СССР по строительству и архитектуре, занимал кабинет в здании на Новом Арбате.

После того, как мы изложили Ельцину свои аргументы в пользу Лужкова, он попросил оставить его с кандидатом один на один. Где-то минут 30 они беседовали, после чего мы снова зашли в кабинет. Ельцин в своём стиле выдержал долгую драматическую паузу и со значительной растяжкой сказал «Да-а».

Теперь надо было провести кандидатуру Лужкова через сессию Моссовета, что было делом весьма трудным. Лужков поставил условие: он сам подберёт команду на ключевые хозяйственные должности. И голосовать за главу исполкома и его команду нужно единым списком. Иначе, если ему «навяжут» незнакомый состав управленцев, он не возьмётся за очевидно антикризисное управление.

Сессия по утверждению первого постсоветского исполкома Моссовета проходила бурно. Вести её довелось мне, поскольку у Попова это труднее получалось, он уставал, нервничал и срывался. Фракция Демроссии была против утверждения исполкома списком. Тем более что Лужков включил в свой список тех, кто не один год уже работал в городских структурах. Радикальные демократы настаивали, чтобы вместо «прежних советских бюрократов» были назначены новые люди передовых взглядов. Многие хотели самовыдвигаться кандидатами.

Мы понимали, что тащить на себе коммунальное хозяйство, торговую сеть, строительный комплекс, транспорт и связь, больницы и поликлиники, школьное образование в условиях многостороннего кризиса, правовой размытости, минимального финансирования могут только люди с опытом, знающие систему и исполнители сверху донизу. Назначать радикальных новичков, которые станут «учиться на ошибках», было крайне опасно и недопустимо.

После ожесточённых дебатов состав лужковского исполкома был всё-таки проголосован списком. Группа радикальных демократов – около 70 человек во главе с депутатами Седых-Бондаренко и Икищели – заклеила меня предателем революции, объявила о переходе в жёсткую оппозицию и покинула сессию в знак протеста.

Юрий Лужков и его команда в 1990-1993 году провели тяжелейшую работу по приспособлению огромного столичного города к новым условиям существования. Благодаря их профессионализму Москва прошла через многочисленные кризисы и стала успешно развиваться. За этот период команда Лужкова, работавшая в конструктивном контакте с Моссоветом, заслуживает самых добрых

слов и благодарности тогдашних москвичей. Во второй половине 1990-х годов состояние города и его руководства существенно менялось и не всегда в лучшую сторону. Но это уже отдельная история.

Оцените профессиональный уровень депутатов Моссовета.

Примерно 120-150 депутатов пришли в Моссовет с приличной профессиональной подготовкой, в том числе десятка три имели основательный опыт, волевые качества и деловую хватку. Собственно, на них и строилась работа профильных комиссий, а также президиума Моссовета. Были и выходцы из научной среды, которые быстро нарастили нужные навыки уже в составе депутатского корпуса. Около 100 депутатов рассматривали попадание в Моссовет как возможность продолжить политическую борьбу за свои радикальные взгляды. Они прибегали к забастовкам и голодовкам, другим протестным демаршам, а во время кризиса 1993 года вошли в прямой конфликт с мэрией Москвы, которая поддержала Кремль против Верховного Совета РСФСР.

Какова роль выборов в Моссовет в 1990 году в политической истории России?

Победа Демроссии на выборах в советы двадцати крупнейших городов РСФСР, включая Москву и Ленинград, укоренила перемены, начатые горбачёвской перестройкой, и сделала рождение новой России устойчивым, во многом уже необратимым процессом.

Особенно важно, что в моменты острейших испытаний в августе 1991 года и октябре 1993 года в городе действовала уже сформировавшаяся и ответственная новая власть.

Какова роль 21 созыва Моссовета в современной истории России и Москвы?

21 созыв Моссовета, завершивший советский период в истории городского управления, нёс в себе все черты эпохи революционной и переходной. Он был и парламентом, и генератором реформ, и школой муниципального управления, и ареной острейшей политической борьбы. Всё это ушло вместе с легендарной эпохой бури и натиска. Но сам Моссовет-21 стал важной частью городской истории и исторической мифологии.

Для последующих поколений россиян и москвичей надо сохранить свидетельства и документы того времени как познавательный и поучительный нарратив.

Какая в Моссовете на разных этапах складывалась эмоционально-психологическая атмосфера?

Атмосфера в первые годы 1990-1992 была конструктивной для сложившегося большинства депутатского корпуса. Например, немало управленцев из вроде бы оппозиционной группы «Москва», включая Валерия Шанцева, были призваны на работу в ключевые городские структуры. Часть депутатов переквалифицировалась в сотрудников мэрии, где поработала достаточно успешно. Отдельные депутаты ярко проявили себя в бизнесе. Например, Юрий Соломатин участвовал в создании первого в городе АО «Торговый дом ГУМ» и возглавлял его совет директоров.

Необходим ли был роспуск Моссовета в 1993 году?

Трудно сказать однозначно. Тот Моссовет, пожалуй, исчерпал свою миссию и как институт, и как политическое сообщество. Политическая система всей страны менялась, и столица должна была, как всегда, задавать тон и вести за собой. Городу нужен был современный, компактный и действенный орган самоуправления. И новый депутатский корпус. Но в то же время, эволюционные смены исторических этапов всегда предпочтительнее революционной ломки.

Реформа городского управления

Среди первых задач мы работали вместе с Поповым над реформой административно-территориальной системы в Москве. В столице тогда было 33 района и город-спутник Зеленоград. В каждом районе – свой райсовет и райисполком, фактически чуть ли не самостоятельные города в агломерации. Многие райсоветы вели себя очень независимо, бросая городской власти прямой вызов, требуя уступок и грозя неповиновением.

Символической и хрестоматийной стала история Красной Пресни. Совет Краснопресненского района возглавил мятежный Александр Краснов, который много лет воевал со всеми городскими властями. Помню, мне принесли решение Краснопресненского райсовета о том, что всё движимое и

недвижимое муниципальное имущество на территории района, все природные ресурсы и подземные недра, все коммуникации находятся в коллективной собственности жителей района и могут использоваться только на основе договоров с местной властью. Я написал на тексте «В Музей революции», туда документ и ушёл.

А Александр Краснов воевал за суверенитет Красной Пресни ещё и в 2000-е годы.

Было понятно, Москве будет трудно выживать без современной административно-территориальной системы. После серии совещаний с городскими урбанистами мы пришли к выводу, что больше всего Москве подойдёт система Парижа. И отправились туда за опытом по приглашению Жака Ширака, который тогда был мэром французской столицы. Несколько дней там провели. Ширак вызвал руководителей всех департаментов парижской мэрии, сказал открыть все документы, снять копии, ответить на все вопросы, дать рекомендации и т.д., то есть оказать всемерную помощь.

Вернувшись с обширной и детальной информацией, мы вместе с городскими специалистами наложили французский опыт на наши реалии и прописали реформу. 33 района превратились в 10 префектур, делившихся на муниципальные районы с управами. Соответственно менялись полномочия и бюджетные отношения. Так в Москве появились мэр, префекты, поначалу были даже супрефекты, позднее ставшие главами управ. Французский акцент в терминах отражал изначальное влияние парижской мэрии.

После того как новая административно-территориальная система была утверждена Моссоветом, встал вопрос о выборах мэра города. И тут второй раз возникла эта проблема... Попов уже сам со мной говорил, и Ельцин тоже передал, что Сергей Борисович, Вам не стоит здесь вступать в какую-то конкуренцию, пусть Гавриил Харитонович избирается. На вас у нас есть другие виды. Под "другими видами" он имел в виду то, что я должен войти в избирательный штаб Ельцина: он собирался избираться президентом. Я стал заместителем руководителя его избирательного штаба, ответственным за идеологию, чтобы впоследствии, как мне было сказано, перейти в Кремль, в команду президента. А город нужно было уступить старшему товарищу. И Попов пошёл на выборы мэра. Кандидатом в вице-мэры стал Юрий Лужков. Они успешно избрались в 1991 году.

Московские бунты

Ломка старых жизненных устоев, поиски новых решений зачастую порождали в Москве противоречия, конфликты и даже бунты. Естественно, новая власть обязана была реагировать на такие события, причём реагировать с выходом на бунтующие улицы приходилось мне.

В августе 1990 года по всей России пошла волна табачных бунтов. Корни кризиса возникли на союзном уровне. Госплан по неизвестной причине на 90-й год сократил вдвое производство в СССР табачного листа. Из 24 отечественных табачных фабрик на профилактику одновременно встали 16 (ранее это было регулярным делом), но на этот раз запасов продукции не было, а за граница перестала вырывать. 5 млрд сигарет недопоставила Болгария, кубинцы прекратили отгрузку, оставшись без советской папиросной бумаги.

На дефиците стремительно развился «чёрный рынок», где пачка сигарет «Ява» стоила вместо 40 копеек от 3 до 5 рублей. Поразительное зрелище как будто из 1917 года: бабки на улицах продают подобранные окурки. Они шли с подносов — по 5-10 копеек за штуку или в банках — 2-3 рубля за пол-литровую.

В Москве разъярённые толпы курильщиков стали перекрывать улицы, блокировать начальственные машины, громить табачные киоски. Кульминацией стал многотысячный сход курильщиков, заполнивший Манежную и Театральную площади.

Мне пришлось тогда вывести на Манежную весь президиум Моссовета в полном составе (18 человек). Просили людей не прибегать к насилию, пропускать спецтранспорт, в первую очередь милицмейские и санитарные машины. Обещали привезти табак в течение трёх-четырёх часов.

Поехали с депутатами Моссовета на две московские табачные фабрики. К нашему удивлению, конвейеры там работали в три смены! Рабочим выдавали премии пачками сигарет. Продукция уходила на склад. А оттуда утекала к теневым оптовикам, которые провоцировали ажиотаж и зарабатывали на «своих» киосках, на продаже с рук, а также на оптовых продажах гонцам из соседних областей, где фабрик не было, или они стояли.

Депутаты Моссовета были разбиты на вахты для круглосуточного дежурства на фабриках. Им в помощь прислали милицейские наряды. Целый автобус загрузили коробками с сигаретами и отправили на Манежную площадь для продажи в окрестных киосках. Я оставил на фабриках рукописное обязательство компенсировать стоимость товара по оптовой цене, что позднее и было сделано.

В сентябре табачные бунты прекратились, поскольку восстановилась работа отечественных фабрик и пошёл срочно закупленный Горбачёвым импорт. Но табачная торговля ещё долго оставалась предметом теневого контроля криминальных структур.

Другой сферой конфликтных и даже криминальных интересов стали пассажирские перевозки. 28 октября 1991 года разразился бунт московских таксистов. В городе в то время был стихийный рынок пассажирских перевозок. Советские таксопарки превратились в сообщества вольных извозчиков, которые сами себя финансировали и устанавливали правила. Пассажиры торговались с таксистами как получится. Кроме того, в городе действовали тысячи частных «бомбил от бордюра» без опознавательных знаков, которые искали на тротуарах людей с поднятой рукой. «Бомбилы» сбивались в группировки и боролись за «хлебные» места, особенно возле вокзалов и парков. Иногда доходило до драк с поножовщиной.

В октябре 1991 года в драке с выходцами с Кавказа был убит таксист Матвеев, что стало детонатором взрыва. Похороны Матвеева собрали почти всех таксистов Москвы и вылились в общегородскую акцию протеста. После чего таксисты перекрыли Тверскую улицу и «осадили» здание на Тверской, 13. Требовали «выгнать из города» этнические группировки, пытавшиеся устанавливать контроль над перевозками.

Я выходил на Тверскую площадь объясняться, затем приглашал выборных от таксистов в здание на переговоры. Выработали план наведения относительного порядка в пассажирских перевозках и таксопарках. План не мог сразу всё преобразить (не было ни машин, ни запчастей, ни средств связи), но он позволил установить законные границы и договорные правила. Прекратились войны между группировками водителей, в ходе которых противники били друг друга стёкла и резали шины. Впоследствии были созданы таксопарки как бюджетные муниципальные предприятия, а к середине 1990-х происходил переход к частным компаниям с радиосвязью.

Про ИКТ

Компьютеров в Моссовете почти не было, они только начинали появляться. ПК стояли в кабинетах у руководства и в постоянных комиссиях, но использовались порознь, не системно. Никакой внутренней сети не было.

Самыми крупными пользователями ПК и выделенных серверов были бюджетные и финансовые подразделения. Но какой-то единой информационно-коммуникационной системы не было ни в Моссовете, ни в мэрии. Хотя осознание необходимости было и предложения звучали.